

РУССКАЯ
МЫСЛЬ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ.

АПРѢЛЬ.

Прод. 50

МОСКВА.

Типо-литогр. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о, Пимен. ул., соб. домъ.

1908.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	<i>Стр.</i>
I. БЫЛЪ И ТАКОЙ.—З. Н. Гиппиусъ	1
II. СТИХОТВОРЕНИЕ.—Виктора Гофмана	14
III. ОСЕНЬЮ, ПЫШКОМЪ. Разказъ Гершана Гессе.—Перев. А. Ф. Даманской	15
IV. УШЛИ...—К. А. Ковальскаго	41
V. СТИХОТВОРЕНИЕ.—В. Малахѣевой-Мировичъ	54
VI. САЯНЫ.—Алексѣя Окулова	55
VII. ТРИ ПОЭТА.—А. М. Ѳедорова	111
VIII. СТИХОТВОРЕНИЕ.—Г. Забѣжанскаго	126
IX. КОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ. Романъ изъ театральнаго міра Анатоля Франса.—Перев. Ал. Чеботаревской	127
X. ОТДѢЛЬНЫЯ СТРАНИЦЫ.—М. Толмачевой	168
XI. ЕВРОПЕИЗАЦІЯ.—Д. Д. Протопопова	1
XII. О РЕЛИГИОЗНОЙ РОМАНТИКѢ.—Леонида Галича	11
XIII. НОВОЕ ИЗСЛѢДОВАНИЕ О КРЕСТЬЯНСКОМЪ ДВИЖЕНІИ И ЕГО ПРИЧИНАХЪ.—Н. Н. Кутлера	24
XIV. РЕЛИГИОЗНАЯ МИСТИКА И ФИЛОСОФІЯ.—С. В. Лурье	41
XV. ВОПРОСЫ РУССКАГО БЮДЖЕТА.—I. Бюджетная политика правительства въ 1907 году.—Л. Н. Яснопольскаго.—II. Военный бюджетъ.—К. М. Оберучева	57
XVI. ЧЕРТЫ МИРОВОЗЗРѢНІЯ КН. С. Н. ТРУБЕЦКОГО.—В. И. Вернадскаго	76
XVII. ОРЕЛЬ ВАСПУРАКАНСКІЙ. (Жизнь и дѣятельность Мкртича I, католикоса всѣхъ армянъ).—А. Теръ-Арутюнова	87
XVIII. ДУХОВОРЫ ЗА МОРЕМЪ.—Антонъ Щ.	103
XIX. ОРГАНИЗАЦІЯ ВИННОЙ МОНОПОЛИ И ЕЯ НЕОБХОДИМАЯ РЕФОРМА.—В. Норова	122
XX. ИГРА ВЪ РЕЛИГІЮ.—Д. В. Философова	138
XXI. ЭДУАРДЪ ФОНЪ-ГАРТМАННЪ.—И. И. Лапшина	151
XXII. ИЗЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПО КРЕСТЬЯНСКОМУ ХОЗЯЙСТВУ.—А. А. Кауфмана	172
XXIII. ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ЖИЗНЬ.—В. Н. Линда	178
XXIV. ИНОСТРАННАЯ ПОЛИТИКА.—С. А. Котляревскаго	195
XXV. БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЬ. I. Книги: Беллетристика.—Исторія.—Философія.—Политическая экономія.—Публицистика.—Естествознаніе.—Искусство.—Педагогика и народное образованіе.—II. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ съ 1 марта по 1 апрѣля 1908 г.	69
XXVI. ОБЪЯВЛЕНІЯ	1

Духоборы за моремъ.

I. Русская деревня въ Канадѣ.

Село Терпѣніе раскинулось на равнинѣ, вблизи рѣки Saskatchewan. Одна широкая улица. По бокамъ сплошь дворы. Сзади противъ каждаго двора огородъ.

Въ этомъ селеніи 22 дыма, т.-е. двора, живущихъ общиной *) 18 дворовъ, фермеровъ 4 двора.

Когда духоборы пріѣхали (въ 1899 году) въ Канаду, то рѣшили разбиться на села. Каждое село, приблизительно, должно состоять изъ 40 фармъ—homestead'овъ**), т.-е. $40 \times 160 = 6,400$ акровъ земли. Но нѣкоторыя села имѣютъ больше. При с. Терпѣніи земли свыше 8,000 акровъ.

Семья фермера Васи Верещагина, въ домъ котораго мы заѣхали переночевать, состоитъ изъ жены, женщины лѣтъ 40, хорошо сохранившейся, и двухъ молодцевъ сыновей 18 и 16 лѣтъ. Двѣ дочери уже выданы замужъ и живутъ теперь въ общинѣ другого селенія. Самъ Вася Верещагинъ, глава семьи, высокій, статный, красивый брюнетъ, съ строгими чертами смуглаго лица, выглядитъ гораздо моложе своихъ четырехъ десятковъ лѣтъ. Энергія сквозитъ въ каждомъ движеніи его. Даже суровость духоборческой школы «обхожденія и поведенія» ничего не смогла сдѣлать: энергія выдаетъ себя въ жестахъ, интонаціи и быстротѣ движеній. «Должны вести себя тихо и скромно», «каждое слово обдумать хорошо, а потомъ только сказать», «быстраго движенія не дѣлай, рѣзкаго слова избѣгай», гласитъ

*) Духоборы въ Канадѣ живутъ общиной (коммуной). Засѣваютъ сообща всю землю. Скотъ, инвентарь общій. Лошади и коровы стоятъ въ общинныхъ конюшняхъ, и два члена общины по очереди за ними смотрятъ. Коровъ женщины доятъ сообща и дѣлятъ стаканами на „ѣдока“ молоко. Въ послѣднее время въ силу разныхъ причинъ нѣкоторые изъ духоборъ начали выходить изъ общины и жить отдѣльно, внѣ общины. На своихъ собственныхъ фармахъ (надѣлахъ) они самостоятельно и сѣютъ хлѣбъ. Вотъ они и носятъ названіе „фермеровъ“. Инвентарь у каждаго фермера свой собственный. Вся „Духоборія“ въ Канадѣ состоитъ изъ 50 селеній. Народонаселенія всего свыше 9,000 душъ. „Фермеровъ“ около 15%.

**) Каждый homestead=160 акрамъ. Это надѣлъ на душу. Въ теченіе трехъ лѣтъ 15 акровъ должно быть распаханно, и послѣ этого надѣла поступаетъ въ собственность, за него уплачивается 10 долларовъ въ казну. Акръ—третья часть десятины.

неписанный законъ. Комната, гдѣ мы сидѣли, 8×9 аршинъ. Полъ смазанъ желтой глиной. Среди комнаты желѣзная печь, и хозяйка уже хлопочетъ на ней съ ужиномъ. Стѣны увѣшаны картинами библейскаго содержания. Возлѣ нихъ много рекламныхъ изданій съ календарями разныхъ магазиновъ изъ Ростерна и другихъ городовъ. Каждая фирма (земледѣльческихъ орудій, велосипедовъ, бакалейныхъ товаровъ) старается напомнить покупателямъ о своемъ существованіи и къ новому году разсылаетъ цѣлыми кипами какую-нибудь, довольно приличную, олеографію съ календаремъ. Такими картинами наполнены всѣ дома духоборовъ. Желаніе украсить свое жилище имѣется налицо. Иконъ, конечно, нѣтъ: духоборы ихъ не признаютъ. На полочкѣ въ углу лежатъ книги, преимущественно лондонскаго изданія Черткова. Въ простѣнкѣ между окнами виситъ зеркало. Подъ нимъ—часы. Вдоль стѣнъ идутъ деревянные диваны, домашняго хорошаго издѣлія, выкрашенные въ красную краску. Въ красномъ углу столъ, накрытый чистой клеенкой. Влѣво отъ стола, между стѣной и русской печью ситцевая занавѣска, отдѣляющая кровать отъ остальной комнаты. Тамъ постель и одежда. Чисто, тепло, уютно. Вегетаріанскій борщъ издаетъ пріятный запахъ.

— Можно накрывать?—спрашиваетъ Вася жену.

— Вотъ только принеси капусту, томаты и огурцы.

Наконецъ, столъ накрытъ сѣрой скатертью. Въ глубокой чашкѣ квашенная капуста въ головкѣ, порѣзанная длинными полосками, перемѣшанная съ зелеными томатами (не вызрѣвають) и маленькими огурчиками. Все это пересыпано сахаромъ. Чисто, красиво и вкусно. Мы сѣли за столъ. Хозяинъ «сотворилъ» молитву передъ обѣдомъ. При помощи вилокъ мы приступили къ первому блюду. Затѣмъ борщъ съ капустой, заправленный коровьимъ масломъ и сметаной. Наконецъ, рисъ съ коровьимъ масломъ и жареный картофельъ въ маслѣ. Молоко и чай. Столъ вкусный и питательный въ достаточной степени для рабочаго человѣка.

— Давно вы не ѣдите мяса?—задаю я вопросъ.

— Лѣтъ 12. Ни убоины, ни рыбы не ѣдимъ,—отвѣчаетъ Вася.

— Какъ переносятъ старики и дѣти? Не тяжело ли имъ? Не болѣютъ?

— Теперь народъ живетъ хорошо. Масло льняное свое. Да и коровье есть. Нехватаетъ масла—покупаютъ. Теперь жить можно.

— Не скучаете по мясу?

— Нисколько. Пришлось бы опять приучаться къ мясу нашему народу.

Отвыкли.

— Да и кто рѣзалъ бы? Вотъ скажи мнѣ, чтобъ я курицу зарѣзала—нѣтъ, не смогу,—вставила отъ себя жена Васи.—Дѣтлѣмъ оно и не понятно—какое такое мясо. Они его отъ роду и не пробовали. А дѣти, слава Богу, здоровыя.

— Да и среди мужиковъ рѣдко найдешь, кто убилъ бы животное. Отвыкъ народъ. Трудное дѣло было бы начинать опять,—замѣтилъ отъ себя Вася.

Послѣ обѣда опять молитва, и мы встали изъ-за стола.

Духоборческій этикетъ требуетъ, чтобы гостя нагормить сначала, а потомъ можно его и расспрашивать.

Какъ только мы пообѣдали, началъ сходитьсь народъ.

Пришелъ Алеша Верещагинъ, братъ Васи, молодецъ лѣтъ 26. Онъ недавно возвратился изъ ссылки (Якутская область). Пришелъ старикъ-общинникъ, лѣтъ 65, сѣдой, но бодрый. Замѣтно было, что онъ легко носилъ свои 65 лѣтъ. Это былъ одинъ изъ «устоевъ» общины. Жилъ въ другомъ селеніи. Мало-по-малу комната наполнилась «братьями» и «сестрами».

Началось съ поклоновъ, что я привезъ. Потомъ перешли на положеніе въ Россіи. Затѣмъ откуда пріѣхалъ я и какъ тамъ люди живутъ?

— Въ южной Калифорніи тепло круглый годъ. Зимы нѣтъ. Вотъ тамъ теперь Вася собираетъ апельсины и лимоны.

Одинъ изъ духоборовъ, Вася Позняковъ, по болѣзни долженъ былъ оставить Канаду изъ-за холода. Онъ переѣхалъ въ Южную Калифорнію. Отъ него я и привезъ поклонъ.

— Какъ, теперь?—переспрашиваютъ меня съ сомнѣніемъ въ голосъ.

Дѣйствительно, трудно было повѣрить, живя среди морозовъ въ 60° F., что существуетъ такая благословенная страна, гдѣ не только нѣтъ такихъ суровыхъ холодовъ, но еще и апельсины зрѣютъ тамъ зимой.

— Съ 2-го января у насъ идетъ вторая погрузка апельсиновъ въ вагоны. Первая была въ срединѣ декабря, чтобы апельсины могли попасть въ Нью-Йоркъ и Чикаго къ Рождеству. А теперь вторая. Нужно ихъ сорвать съ деревьевъ сначала, вотъ Вася и ходитъ поденно рвать по 1—75 с. (3 р. 50 к.),—объясняю я.

— Такъ за это еще и деньги платятъ?—задаетъ мнѣ вопросъ одна изъ женщинъ.—Я бы даромъ рвала, чтобы посмотреть только этакую благодать. Вотъ гдѣ рай.

— Нашимъ бы «слободникамъ» *) туда. А они искали. Да, видно, не туда пошли,—замѣчаетъ другая женщина.

— А какъ тамъ, въ Калифорніи, насчетъ земли? Раздаютъ?—интересуется одинъ изъ мужчинъ.

— Земли тамъ для Homestead'овъ нѣтъ. Вся розобрана.

— А купить можно?

— Можно, но дорого. А вотъ въ Мексикѣ, гдѣ еще теплѣе, можно купить за 4 и 5 долларовъ акръ земли **). Молокане тамъ купили 13,000 акровъ за 49,000 долларовъ. Вы знаете этихъ молоканъ. Они изъ Карской области.

*) „Слободники“—крайнее направленіе среди духоборъ. Исканіе свободы они довели до отрицанія употребленія желѣза, одежды и всѣхъ вообще стѣсненій въ области религіи, политики и экономическихъ отношеній. Идеаль ихъ: быть свободнымъ отъ работы по принужденію. Суровый климатъ Канады даетъ много лишней работы, и вотъ они двинулись въ теплыя мѣста, гдѣ тягота физической жизни несравненно меньшая.

**) Акръ—третья часть десятины. Долларъ—два рубля.

— Какъ не знать! Ходоки и здѣсь были отъ мологанъ. Землю искали. Не понравилось имъ. Холодно у насъ. Знаемъ, знаемъ. Такъ, говоришь, купили-таки. Такъ, такъ. Устроились, значить. И земля хороша? И хлѣбъ родить тамъ?

— Да Филиппъ Михайловичъ, что былъ здѣсь ходокомъ, мнѣ говорилъ, на 30,000 долларовъ пшеницы въ первый же годъ собрали.

— И фрукта всякая въ Мексикѣ есть?—интересуется женщина.

— Да тамъ все уже.

— Не то, что у насъ. Огурецъ не созрѣваетъ, какъ слѣдуетъ быть,—замѣчаетъ одна изъ «сестеръ».

— А про яблоки ужъ и не говори,—со вздохомъ подчеркиваетъ другая.

Для духоборъ, какъ вегетаріанцевъ, чрезвычайнымъ лишеніемъ является то, что любимый овощъ русскаго крестьянина—огурецъ—дается съ превеликимъ трудомъ, да и то не всегда. Фрукты же совсѣмъ не растутъ.

— Недаромъ наши «слободники» все побросали и пошли въ теплыя мѣста.

— Вотъ бы гдѣ пожить!

— Хоть бы передъ смертію въ этотъ рай попасть!

— Вотъ всю жизнь неси и неси это ярмо!

— Ни тебѣ огурца, ни яблочка, а холодище-то. Эх-хе-хе!—такъ хоромъ вздыхали и причитали женщины.

Повидимому, доняль-таки ихъ холодъ.

— Ну, подожди и туда доберемся!—рѣшительно, наконецъ, говорить одна изъ сестеръ.

И цѣлый часъ разговоръ не сходилъ съ этой темы.

— Ну, нечего Бога гнѣвить—и тутъ жить можно,—рѣшилъ старый общинникъ.

— А какъ здѣсь у васъ урожай?—перезоужу я разговоръ.

— Да по урожаю жить бы можно. Хлѣбъ родить хорошо. Лучшаго мы не видѣли. Може, гдѣ и есть, а мы не знаемъ. Въ Россіи лучшаго хлѣба не было.

— А сколько въ этомъ году сѣяли акровъ хлѣба общиной (18 дворовъ)?—стараюсь я уяснить урожай.

— Да мы, правду сказать, на акры не считаемъ.

— А какъ же вы считаете?

— Да знаемъ, сколько высѣяли зерна. Ваня, неси книжку, чтобы правильно было.

Ваня, сельскій бухгалтеръ, пошелъ за книжкой.

— Я и безъ книжки знаю,—отзывается одинъ изъ общинниковъ.

— Пшеницы высѣяли 800 бушелей*), а собрали 9,380 бушелей; овса высѣяли 1,000 бушелей, а собрали 9,200 бушелей; ячменя высѣяли 110 бушелей, а собрали 1,500 бушелей. А всего хлѣба набрали въ этомъ году 20,000 бушелей.

*) Бушель пшеницы вѣсять 60 фунтовъ.

— А что еще съете?

— Сѣяли ленъ. Посѣяли 35 бушелей, а взяли 300. Картофель садили и другую огородину.

— А сколько картофелю набрали?

— Мы не считаемъ. Всѣмъ хватаетъ, еще и продаемъ. Сосѣди приѣзжаютъ копать. Мы разрѣшаемъ. Пускай себѣ накопаетъ: богатый не поѣдетъ. Много картофеля родить.

Вернулся Ваня съ книжкой. Свѣрили. Все вѣрно. Цѣны на хлѣбъ въ мѣстныхъ элеваторахъ, куда и везутъ хлѣбъ обыкновенно духоборы, таковы: пшеница бушель 50 центовъ (1 с. = 2 коп.), овесъ 30 центовъ, ленъ 85 центовъ.

— Морозъ не прихватываетъ хлѣба?—задаю я вопросъ.

— У насъ ни разу не было, а вотъ въ Петровкѣ, версть 10 отъ насъ, разъ опоздали убрать, то немного и того... прихватило. Ну, да отъ этого можно уберечь. Машинъ у насъ довольно, скоро убираемъ хлѣбъ.

— А какія машины у васъ есть?—ставлю вопросъ я.

— Ну, машинъ у насъ, братъ, много.

И начался перечень машинъ и живого инвентаря.

Жнеекъ 4. Косилокъ 5. Грабель конныхъ 2. Боронъ 16. Плуговъ 2-хлемешныхъ 4. Плуговъ 1 лем. 16. Саней 9. Повозогъ (вагоновъ) 17. Вѣялокъ 1. Лошадей (съ молоднякомъ) 50. Коровъ и рогатаго скота 144. Овецъ 87.

Кажись,—все.

— А про наши машины забыли?—заявляетъ одна изъ сестеръ.

— Да, вотъ еще... вонъ стоитъ!—указывая на швейную машину, говоритъ общинникъ.

— Швейная машина,—помогаю я.—А сколько ихъ?

— Четыре,—отвѣчаетъ одна изъ женщинъ.

— А про паровики забылъ?—слышится замѣчаніе со стороны мужчинъ.

— Да то не въ нашей деревнѣ,—отвѣчаетъ счетчикъ.

— Мы тоже за нихъ деньги платили. У насъ на всю волость есть три паровика *). Осенью мы молотили ими хлѣбъ. Въ нимъ у насъ есть и двѣ паровыхъ молотилки. Все остальное время паровики мелятъ муку, для чего у насъ и есть двѣ паровыхъ мельницы,—объясняетъ одинъ изъ общинниковъ.

*) Изъ нихъ два самохода, а третій перевозятъ при помощи воловъ и лошадей. Вся Духоборія состоитъ изъ 4-хъ волостей. Мы находимся въ волости Prince-Albert. Prince-Albert волость имѣетъ общеволостное имущество: паровыя мельницы (3), паровыя молотилки (2) и волостные жеребцы (4). Съѣздъ выбранныхъ отъ каждаго селенія волости и есть распорядитель этого имущества. Этотъ же съѣздъ назначаетъ, сколько каждое селеніе должно внести денегъ на покрытіе обще-духоборческихъ расходовъ и обще-волостныхъ. Каждое селеніе внутри пользуется полнымъ самоуправленіемъ. Духоборія сумѣла себѣ завоевать полную независимость отъ канадскаго правительства: ни судовъ, ни полиціи правительства у нихъ нѣтъ.

— Муки вдоволь надають для васъ мельницы?

— Еще и чужимъ мелемъ.

— А кто же управляетъ паровиками?—интересуюсь я.

— Какъ кто? Наши. У насъ, братъ, все сами и пахара и инженеры,—говорить старикъ-общинникъ.

— Да и желѣзная дорога насъ не чуждается. При с. Богдановкѣ построена водочка для паровиковъ. Нашъ духоборъ ею и завѣдуетъ. Больше никого тамъ и нѣтъ,—съ гордостью замѣчаетъ одинъ изъ мужчинъ.

— Машинъ у васъ точно много и подобраны онѣ хорошо, но про рядовую сѣялку вы ничего не сказали. Вы же знаете про эту хорошую машину?—ставлю я вопросъ.

— Какъ не знать! Да рядовая сѣялка въ каждомъ нашемъ селеніи есть. Хорошая, полезная машина, но какъ бы тебѣ сказать...—тянетъ одинъ.

— Да говори ужъ прямо,—перебиваетъ другой.

— Видишь ли?... мы сѣяли ругами... многіе изъ нашихъ любятъ это...—опять тянетъ первый.—Публично каяться въ чемъ-то не хотѣли, я видѣлъ это и уже потомъ узналъ.

Многіе изъ «терпѣнцевъ» считали высшимъ наслажденіемъ весной, когда проснулася природа, оттаяла земля и каждый день гдѣ-то тамъ внутри земли шла сильная и мощная творческая работа... своими руками имъ хотѣлось помогать творить... Выйдешь въ поле съ мѣшкомъ черезъ плечо и цѣлыми пригоршнями бросаешь зерно направо и налево и больше хочется его разбросить... Знаешь—каждый твой размахъ прокормить человѣка... а людямъ хлѣба много нужно... бросаешь и бросаешь... устали не чувствуешь... Хорошо. Живешь и жизнь даешь! Такъ бы я передалъ то, что потомъ узналъ. Всякій творецъ имѣетъ право быть поэтомъ и долженъ быть, коли хотите, имъ. Палачъ поэзіи не знаетъ!

— А много часовъ работаете въ день, когда убираете хлѣбъ?—ставлю я такъ вопросъ, зная эту самую тяжелую и спѣшную работу.

— Мы работаемъ двумя смѣнами. Лошади и партія людей, что идетъ съ лошадьми, безъ перерыва работаютъ пять часовъ. А потомъ мѣсто заступаетъ другая смѣна: другіе люди и лошади. Пять часовъ работать не тяжело ни людямъ, ни лошадямъ.

— Вотъ у васъ четыре жатвенныхъ машины и смѣнъ нужно восемь, а «сестры» въ этихъ смѣнахъ участвуютъ? Работаютъ въ полѣ?—задаю я вопросъ, чтобъ выяснитъ отношеніе женщинъ къ этой работѣ.

— Ходить-то въ поле—ходимъ и теперь, но теперь больше для веселости души,—отзывается сестра *).

— Какъ такъ для веселости души?—удивляюсь я.

— А такъ. Развѣ теперь въ полѣ послѣ машинъ тяжела работа? Соберемъ, заберемъ кто вышиванье, кто вязанье и идемъ съ пѣніемъ туда... да съ пѣніемъ и назадъ. Пришли. Машина все дѣлаетъ. И косить

*) Въ Духоборіи всѣ мужчины „братья“, всѣ женщины „сестры“.

и вяжетъ. Да и снопы, спасибо ей, по пяти бросаетъ вразъ, чтобъ намъ полегченіе сдѣлать. Эка важность, снопы эти снести! Вотъ вся наша и работа въ «страду» теперь. Пока до тебя дойдеть чередъ—поемъ, вяжемъ. Весело, однимъ словомъ. Не замѣтишь, какъ и пять часовъ прошло. А раньше въ «страду» свѣта бывало не видишь. Потъ всѣ глаза залилъ. Спина болитъ. Ногъ не чувствуешь подъ собой. Глянешь, а покосъ впереди тебя еще большой—поотстала отъ мужика и опять... Внутри все ходуномъ ходитъ, а тутъ и дѣтеногъ еще пицить... Пospѣшишь... колосья остались сзади—нужно бѣчь загребать ихъ... да, ну его, и вспоминать не охота. Спасибо «братьямъ» за машину... А теперь... такъ цѣлый день и поемъ. Хорошо у насъ теперь.

Такъ одна изъ сестеръ нарисовала разницу работы во время страды.

— Будеть, мы свое отработали. Ты слышалъ, какъ мы на себѣ пахали, лѣсъ возили?!—говорить другая сестра.

Когда духоборы пріѣхали въ Канаду, то не имѣли средствъ ни для постройки избъ, ни для покупки лошадей и скота. Они рѣшили дѣлать все сообща. И строили избы общиной каждой деревни. Въ Виннипегѣ (ближайшій городъ въ Канадѣ къ землямъ, что были отведены духоборамъ) кое-какъ собрали по 40 р. съ человѣка и купили лошадей, коровъ и хлѣба, сколько смогли.

Было у насъ—разсказываютъ жители села Терпѣнья,—когда мы пріѣхали сюда въ 1900 году, семь лошадей, 2 пары возовъ и 7 коровъ, на 22 дома. Насъ было всего мужчинъ, женщинъ и дѣтей—116 душъ. Нужно было пахать землю. Лошади и быки пахутъ, а мы 30 сестеръ и 8 братьевъ разбились на 2 партіи и возимъ на себѣ дерево изъ лѣса, что на рѣкѣ Саскачеванъ. Большая гора идетъ отъ рѣки, а дороги не было никакой. Дорогу, что теперь тамъ—недавно выстроили наши. Братья рубятъ лѣсъ, а мы, сестры, на себѣ возимъ въ село. Лѣсъ наготовили, а ну, за дернъ. Мы, сестры, рѣжемъ дернъ, возимъ на себѣ, а братья кладутъ стѣны изъ дерна. Вотъ такъ-то въ одно лѣто мы построили 24 избы. Въ день выгоняли стѣны для избы—до того изловчились. А изба 14 × 9 аршинъ. Остальныхъ братьевъ община послала на заработки. Ёсть нужно же было что. Молока отъ коровъ хватало только дѣтямъ. Сами плохо питались. Мука 4 сорта съ отрубями—такъ и ѣли. Поослѣпло много тогда народа. Дюже трудно было. На зиму воротились братья, что ходили на заработки. Кое-какъ перебились. Тяжелое было время. Затѣмъ легче намъ стало, когда урожаи собрали. А теперь всего у насъ есть вдоволь. Даже черезъ край есть. И народу уже прибавилось, а всего довольно.

Приростъ населенія въ с. Терпѣнии таковъ:

Съ 1900 г. по 1 января 1907 г.

Родилось 57

Умерло 12

Убитъ громомъ . . . 1

Итого за 7 лѣтъ увеличилось на 44 души, а всего въ с. Терпѣніи 160 душъ населенія.

Первое время по приѣздѣ въ Канаду община носила такой характеръ. Пахали всю землю сообща. Хлѣбъ дѣлили на ѣдока. Дѣлили одинаково и на сиротъ, и на вдовъ, и на больныхъ.

Каждый дворъ имѣлъ коровъ и лошадей поровну. За этимъ слѣдила община. Но здѣсь былъ и конецъ общинной жизни. Лошади и коровы принадлежали каждому хозяину и стояли въ его дворѣ.

Внутренній распорядокъ въ семьѣ касался только главы семьи, а не общины. Поэтому чай, сахаръ на столѣ являлся по усмотрѣнію хозяевъ.

Форма одежды и ея количество было личнымъ дѣломъ каждой семьи. Это было, такъ сказать, періодомъ творчества формъ общины.

Въ этотъ періодъ духоборы быстро оправились, и у нихъ оказались въ изобиліи и скотъ и инвентарь. Они дѣлились съ сосѣдями, бѣдными галиціанами, и давали безвозмездно имъ хлѣбъ, одежду. Каждую осень приѣзжало въ села до 10 фургоновъ бѣдности, и духоборы щедро одѣляли немущихъ. Строго храня завѣты предковъ, они и до сего времени сохранили гостепрѣимство. Всякій заѣзжій человѣкъ для нихъ—гость. И сколько бы онъ ни жилъ, его кормятъ, поятъ лучшимъ, что имѣется въ домѣ. Платы, конечно, не берутъ. Окружающее же народонаселеніе смотритъ на это дѣло иначе. И за всякій кусокъ хлѣба и проведенную ночь на фармѣ требуютъ платы. Да и вообще не любили впускать проѣзжаго и прохожаго. Вліяніе духоборъ сказалось на окружающихъ. Нерѣдко теперь встрѣтишь добродушный пріемъ у англичанина и фермера другой національности совершенно бесплатно.

Канадское правительство оставило духоборъ въ покое, и они устраивались, какъ сами хотѣли. Какая бы то ни была власть отсутствовала. Даже община *) не имѣла власти, и единственная основа общины была взаимопомощь. Этотъ испытанный старинный путь—взаимопомощь—вывелъ уже человѣка изъ звѣринаго состоянія и помогъ устоять ему въ борьбѣ съ болѣе сильными животными. Взаимопомощь дала возможность человѣку подчинить себѣ и самую природу. Духоборческая община еще лишній разъ указываетъ людямъ, что необходимая основа жизни есть взаимопомощь. Не власть, не борьба, а только взаимопомощь.

II. Общинники с. Терпѣнія.

На другой день общинники меня пригласили осмотрѣть конюшню.

Пошли.

— Може посмотришь и нашъ хлѣбъ въ амбарахъ, а то мы тебѣ только говорили про хлѣбъ.

— Съ удовольствіемъ.

*) Дѣленія духоборовъ на общинниковъ и фермеровъ не было.

Общиннаго специально выстроеннаго амбара, какъ во многихъ другихъ духоборческихъ селахъ, въ с. Терпѣни нѣтъ. Здѣсь хлѣбъ ссыпанъ по дворахъ общинниковъ въ маленькихъ амбарахъ.

Въ одинъ изъ такихъ амбаровъ мы и зашли.

Весь амбаръ заполненъ пшеницей.

— Пшеница—какъ пшеница, говорю я.—Немного мелка.

— Въ этомъ году немного того... жара прихватила,—отвѣчаютъ мнѣ.

— У васъ и жара бываетъ! Я думалъ,—только холодъ!

Лѣтомъ жара въ Канадѣ достигаетъ 93,8 F. Самый жаркій мѣсяцъ июль.

— А озимая пшеница есть у васъ?

— Озимой пшеницы не сѣютъ здѣсь. Пробовали—вымерзаетъ. Пришлось оставить.

Такихъ амбаровъ мы осмотрѣли три. Всюду полно пшеницы, овса и ячменя. Затѣмъ направились къ конюшнѣ. Теплая огромная конюшня 52 × 12 аршинъ. По обѣ стороны станки. Лошади всѣхъ возрастовъ.

— А вотъ и жеребецъ. Мы тебѣ и не сказали, что на всю нашу волюсть, на 13 селеній, есть четыре жеребца,—говорить одинъ общинникъ.

— А вотъ молодякъ нашъ. Вотъ этимъ по второму году будетъ,—указываетъ другой хозяинъ съ гордостью на лошенка.

Предо мной дѣйствительно стоялъ лошенкокъ, но величиной съ русскую крестьянскую лошадь, на которую тамъ на моей родинѣ велятъ до 25 пудовъ тяжести и еще больше влута...

А здѣсь тотъ же русскій крестьянинъ, но только безъ всякихъ болячекъ въ видѣ недоѣданія, недоимокъ, оцѣнокъ... и сумѣлъ устроить жизнь иную.

Тутъ у него и лошадь и корова и не «тасканской породы»—которыхъ отъ безкормицы весной, а то и лѣтомъ—таскаютъ изъ сараевъ и хлѣвовъ... И женщину уже холить, и дѣти не пострѣлята, а дѣтеньки. Успѣлъ идею у себя завести. Борцомъ за ту идею стать! И никакихъ запасныхъ капиталовъ на обзаведеніе не имѣлъ. Только собственная инициатива и работоспособность—эти неотъемлемыя качества свободного человѣка. Въ Америкѣ инициатива считается самымъ большимъ капиталомъ. А тамъ на нашей родинѣ, въ Россіи, она грошане стоитъ, и бюрократы возвели ее въ преступленіе. Да оно, конечно, и понятно: ну какой же бюрократъ бываетъ съ инициативой и на что она ему?!

Духоборческія лошади, а ихъ было предо мною 50 штукъ, были въ большомъ порядкѣ, и я бы сказалъ: слишкомъ сыты. Отношеніе у духоборъ къ лошадямъ чрезвычайно трогательное. Эти люди какъ бы чувствуютъ свою недовольность за то, что заставляютъ на себя работать лошадей, эксплуатируютъ, такъ сказать, ихъ. Чтобы загладить свою недовольность, духоборы кормятъ ихъ до отвала, ухаживаютъ за ними, какъ за товарищами. Въ морозы свыше 20° R. не выводятъ изъ конюшенъ. Въ жару рабочій день для нихъ всего пять часовъ. Вообще работой ихъ не насилуютъ.

Не знаю, сумѣютъ ли духоборы добыть земной рай себѣ, но что лошадямъ они земной рай создали—въ этомъ для меня нѣтъ сомнѣнія. Нигдѣ такъ лошадямъ не живетъ хорошо, какъ у духоборъ! И канадскіе фермеры оцѣнили это вполне. Они на зиму отдаютъ своихъ лошадей на прокормъ духоборамъ, если сами уѣзжаютъ изъ своихъ фермъ. И платятъ хорошія деньги. Этому я самъ былъ свидѣтелемъ.

Лошади, выращенныя духоборами имѣютъ чрезвычайно кроткій нравъ. «Наши привычки и нравы передаются нашимъ животнымъ». Двѣнадцатилѣтнее вегетаріанство наложило свою печать на духоборъ. Кротость и незлобіе пустили сильныя корни среди этого народа.

При конюшнѣ имѣется отдѣльная комната, гдѣ стоитъ и печь. Это для дежурныхъ.

Кормятъ лошадей, чистятъ, моютъ и ухаживаютъ за ними два дежурныхъ, по очереди назначаемыхъ общиной. Дежурные должны и спать въ конюшнѣ. Вотъ для нихъ и теплая комната устроена.

Въ углу конюшни сложено сѣно прерій. Зеленое, душистое.

— Круглый годъ вы кормите сѣномъ лошадей?—задаю я вопросъ.

— А чего жъ имъ не кормить. Какъ запряжемъ пять сѣнокошилокъ, то за день накосимъ, Богъ его знаетъ, сколько. Пусть ѣдятъ на здоровье, сколько хотятъ. Сѣно хорошее,—отвѣтили мнѣ.

— А какъ, хорошо здѣсь ведутся лошади?—ставлю я вопросъ.

— Нѣ, лошади не дюже. Климатъ для нихъ холодный. Зато скотъ хорошо здѣсь ведется и дюже плодится.

Въ одномъ селеніи за 7 лѣтъ лошадей пало 23 штуки, а рогатаго скота всего одна. Вотъ поэтому въ Канадѣ ѣздить и пахать больше быками. Для нихъ здѣсь придуманы и хомуты. Ярмо—это допотопное орудіе пытки—брошено и тѣмъ продуктивность работы вола увеличена. Странно для Америки видѣть какого-нибудь фермера (нѣмца, галичанина) въ прекрасной шубѣ, шерстью вверхъ, шагающаго рядомъ съ санями, а впереди идутъ «тихою ходою» рогатые кони въ хомутахъ.

— Пахать быками хорошо, а ѣздить да еще зимою плохо. Замерзнешь, если будешь сидѣть. Тихо очень ходятъ быки,—говоритъ канадскій фермеръ.

Часто въ Канадѣ у фермера лошадей нѣтъ, и онъ обходится быками.

Мы осмотрѣли весь инвентарь общинниковъ. Все въ порядкѣ. Виденъ хозяйскій глазъ всюду. Чисто мужицкое отношеніе къ своему добру. Нѣтъ показной стороны. Лаковъ и красокъ нѣтъ, но есть желаніе сохранить инвентарь на продолжительное время.

Послѣ осмотра общинники пригласили меня обѣдать. Меню и обстановка почти та же, что и у Васи Верещагина, фермера.

— У васъ все подаютъ рисъ вмѣсто каши, развѣ вы не съете гречи и проса?—интересуюсь я.

— Первый годъ по пріѣздѣ въ Канаду сѣяли гречъ и просо. Вышли хорошо. Но нѣтъ машинъ для крупъ. Пришлось бросить,—объяснили мнѣ.

— А теперь и изъ сѣмянъ вывелись. Нѣтъ ни гречи, ни проса,—добавилъ другой.

Трудно понять настоящую причину прекращенія гречи. Люди, у которыхъ есть свои паровыя мельницы, сумѣли бы приспособить къ нимъ и машины для крушъ.

Гречневыхъ крушъ вообще въ Америкѣ нѣтъ. Ихъ нужно выписывать чуть ли не изъ Россіи. Въ Соединенныхъ Штатахъ есть даже своего рода фермерская поговорка: «Русскіе,—говорятъ они,—кормятъ и свиней своихъ гречью и сами ее ѣдятъ». Не здѣсь ли кроется секретъ?

Опять собрался народъ. Пришли и фермеры, между ними выдѣлялась фигура Васи Верещагина.

— Граждане, а гдѣ же ваша школа?—обращаюсь я ко всѣмъ духоборамъ.—Вы мнѣ показали и лошадей, и коровъ, и хлѣбъ, и инвентарь, а школа гдѣ же?

— А школу мы прозѣвали,—говоритъ Вася Верещагинъ.

— Ну, какое тамъ прозѣвали. У насъ общественная школа въ Петровкѣ,—перебиваетъ старикъ-общинникъ.

— Какъ прозѣвали?—обращаюсь я къ Васѣ Верещагину, полагая, что тутъ и есть центръ тяжести.

— Да такъ. Когда мы сюда пріѣхали, то вотъ тебѣ женщины рассказывали, какъ мы на себѣ лѣсъ возили. Но этого мало. Два года мы на себѣ и пахали *). И пока все это терпѣли мы, то намъ не до школы было. Зимой, конечно, дѣтишекъ учили грамотѣ въ избѣ. Настоящей школы не было. Пріѣхали къ намъ разъ выборные отъ квакеровъ **). Увидѣли наше неустройство, тяжелую нашу жизнь и предложили построить намъ школу и дать учителя бесплатно. Мы ихъ спросили: А какъ же насчетъ языка? На какомъ языкѣ та школа будетъ учить?

— «На русскомъ и англійскомъ»,—отвѣтили намъ квакеры.

— Мы поставили условіемъ, чтобы на русскомъ языкѣ. Англійскій же языкъ можетъ быть въ школѣ, и кто желаетъ ему учиться—пусть учится. Такъ мы и столковались. Порѣшили строить школу. Я отрѣзалъ участокъ земли отъ своей фермы. Уже пріѣзжалъ и Янсонъ, архитекторъ. Совсѣмъ уже дѣло было рѣшеное, и учителя Щербинина прислали. Все было готово. Но вотъ пріѣзжаетъ уполномоченный отъ духоборъ.

— «Какъ, вы приняли школу?!»

— И пошли разговоры у насъ опять. А въ концѣ-то-концовъ школы у насъ и нѣтъ,—закончилъ Вася Верещагинъ.

— Ну, что говорить лишнее. Школа въ Петровкѣ,—старается сгладить впечатлѣніе старикъ-общинникъ.

Всѣ молчатъ.

*) Довольно претерпѣли жители Терпѣнія. Недаромъ и село ихъ носить названіе „Терпѣніе“.

**) Квакеры—религіозная секта въ Америкѣ. Она ближе другихъ подходитъ по взглядамъ къ духоборамъ.

— Да, въ Петровкѣ-то есть,—говорить Вася Верещагинъ,—а вотъ у насъ въ Терпѣніи и нѣтъ. Теперь приходится намъ своихъ дѣтей возить въ Петровку за 10 верстъ.

Два сына Васи Верещагина 18 и 16 лѣтъ учатся теперь въ школѣ въ Петровкѣ.

Школа начальная существуетъ въ каждой деревнѣ. Учителемъ является самый грамотный въ селеніи изъ духоборъ. Школа грамоты имѣется на кустарныхъ, такъ сказать, началахъ. Вся мужская молодежь грамотна. Женская—грамотна, но въ меньшемъ процентѣ. Точныхъ цифровыхъ данныхъ нѣтъ. Вотъ собранныя мною.

Селеніе Спасское.

Народонаселеніе.

27	фาร์มъ,	общинныхъ	дворовъ	17,	душъ	всего	122
6	»	фармеровъ		4,	»	»	24
6	»	свободниковъ		6,	»	»	18

Итого на 164 души 30 грамотныхъ мужского пола и 7 женскаго. Всѣ вмѣстѣ составляютъ 22,5%. Это безъ всякой посторонней помощи.

Возьмемъ еще с. Надежда. Домовъ 19. Всѣ общинники. Населенія 141 душа. Грамотныхъ мужского пола 33 и женскаго 10 душъ. Всего 30%.

Конечно, принявъ во вниманіе то ужасное положеніе, при которомъ людямъ приходилось и пахать на себѣ, и возить лѣсъ, 30% грамотныхъ безъ посторонней помощи—почтенная цифра, какъ результатъ инициативы самихъ крестьянъ.

Въ Россіи, гдѣ есть и министръ народнаго просвѣщенія, и всякіе директора, и инспектора «начальнаго школьнаго образованія», и то % грамотныхъ едва-едва достигаетъ 20%.

Конечно, 30% въ сравненіи съ 99% грамотныхъ въ Соединенныхъ Штатахъ—маловато. Принявъ во вниманіе, что духоборы теперь уже «наладились», можно ожидать быстрого движенія въ этой области.

Любовь къ книжкѣ есть.

А почему же канадское правительство не идетъ на помощь?—является самъ собою вопросъ.

Духоборы не пожелали имѣть школы канадскаго правительства. Они ведутъ борьбу съ нимъ. Иначе англо-саксонскій міръ проглотилъ бы ихъ уже давно. И борьба эта ведется обѣими сторонами не только сознательно, но и инстинктивно.

Двѣ расы отстаиваютъ свои позиціи. Правда, борьба неравная, но такимъ испытаннымъ борцамъ, какъ духоборы, подъ силу! И неизвѣстно еще, чья возьметъ!?

Въ селеніи Петровкѣ, дѣйствительно, есть школа. Каменное зданіе, рассчитанное на 80 человекъ учениковъ. Оно еще не окончено. Дѣти въ данный моментъ учатся въ духоборческомъ домѣ. Капиталь на школу въ размѣрѣ 7 тыс. долларовъ (14 т. р.) завѣщала одна квакерша передъ своей смертью.

Во время моего приѣзда въ Петровѣ было въ школѣ 43 ученика, мальчишки и дѣвочки. Всѣ, конечно, духоборческія дѣти. Сюда они сvezены со всей волости.

Желаніе учиться замѣчается и среди взрослыхъ. Между послѣдними есть и отцы семействъ. Для нихъ устроены вечерніе классы. Охотниковъ такихъ 8 человекъ мужчинъ.

Преподавательскій персоналъ состоитъ изъ учителя, преподающаго русскій языкъ, г. Г., и англичанки. Жалованья получаетъ каждый по 60 долларовъ въ мѣсяць.

Во главѣ школы квакеры поставили г. Г. Это русскій нѣмецъ. О, Господи, гдѣ ихъ только нѣтъ! Они какъ бы специально созданы Господомъ Богомъ на голову русскихъ людей!

Интересна и поучительна біографія г. Г.—Г. подвизался въ Россіи на излюбленномъ поприщѣ «русско-нѣмецкаго культуртрегерства» въ роли управляющаго, не то домашняго учителя у какой-то княгини или графини. Въ одинъ прекрасный день г. Г. появляется въ преріяхъ Канады тоже въ своемъ «амплуа культуртрегера», но уже подъ видомъ «баптистскаго проповѣдника».

Американцы любятъ платить деньги за работу, но не въ видѣ окладовъ. Американецъ платитъ за результатъ дѣла. Такой обычай даже въ церковныхъ дѣлахъ. Вотъ что рассказываетъ по поводу «результатовъ дѣятельности» г. Г. Дѣй Дѣвичъ Лешокъ *).

Мѣсяца черезъ два послѣ появленія въ нашихъ мѣстахъ въ роли баптистскаго проповѣдника г. Г. приглашаетъ меня на фарму г. Завадскаго, недалеко отъ станціи Borden. Приѣзжаемъ мы съ женой. Застаемъ тамъ такую картину. Въ огромномъ озерѣ на фармѣ Завадскаго при —23° R., зимой, прорубивъ ледъ, г. Г. креститъ въ баптистскую вѣру трехъ лицъ: Василя Дрипана, его жену Фросю и Василя Насыпайка. (Всѣ выходцы изъ Херсонской губерніи. Чистые украинцы.) Холодный вѣтеръ тагъ и жжетъ. Я, конечно, указалъ на безуміе всего происходящаго.

На мой протестъ не обратили вниманія. Какъ я ни доказывалъ, что крещеніе можно отложить до весны, не помогло. Г. Г. нужны были «результаты дѣятельности сейчасъ». (Товаръ лицомъ нужно было показать.) Первымъ погружается Василій Дрипанъ, потомъ и остальные.

— Когда Фрося вышла, то мы сейчасъ же ее въ шубы,—говоритъ г-жа Лешокъ,—и такимъ образомъ не дали замерзнуть ей.

А Василій Дрипанъ, повидимому, всю операцію «крещенія» продѣлалъ нагимъ, а потомъ облекся въ свой «бѣдный» костюмъ. Г. Г. не одолжилъ шубы Василю Дрипану.

Какъ бы то ни было, а спустя немного времени Василій Дрипанъ ослѣпъ **). Три года возятъ его изъ больницы въ больницу. Пара воловъ,

*) Адресъ: D. Lechok, Canada Borden C. N. R. R. (Sask.).

**) Правдивость этой невѣроятной исторіи подтвердилъ мнѣ и профессоръ Ц. въ Виннипегѣ.

на которую едва было сбился Дрипанъ съ превеликимъ трудомъ, продана, фарму его защитили сосѣди украинцы отъ продажи съ аукціона, собравъ между собой требуемую сумму. И жена его Фрося пришла въ полное разореніе!

Кому нужна была гибель цѣлой семьи?

Господу Богу?!

Теперь этотъ г. Г. стоитъ во главѣ школы въ Петровкѣ. Онъ преподаетъ русскій языкъ и другіе предметы на этомъ языкѣ. Но онъ вмѣстѣ съ тѣмъ и проповѣдуетъ. Теперь уже не отъ имени баптистовъ, а отъ имени квакеровъ.

Духоборы стремятся и положили своей задачей найти такія формы жизни, при которыхъ Царство Божье воплотилось бы на землѣ. Конечно, много попытокъ въ этомъ родѣ знаетъ міръ. Но каждая попытка такого рода всегда останется на памяти людей, какъ свѣточъ... къ которому человечество въ минуту общаго упадка—когда зайдетъ въ туникъ жизни—взоры направляетъ, а иногда, и... идетъ... И кто знаетъ... такія попытки всегда оставляли слѣдъ въ исторіи людей... альбигойцы, гусситы... развѣ они не оставили борозды на полѣ жизни?

— Скажите, —обращаюсь я къ духоборамъ, —какъ община снабжаетъ своихъ членовъ одеждой, обувью и прочимъ?

— А какъ! Соберемъ все вмѣстѣ «братья и сестры», и говоритъ каждый, что ему нужно. Затѣмъ двое уполномоченныхъ «братъ одинъ и одна сестра» ѣдутъ и покупаютъ или берутъ въ своихъ складахъ, —объяснили мнѣ.

— Вотъ доѣдешь до станціи Веригино, тамъ и склады посмотришь, —слышится замѣчаніе.

— Такъ. А сколько вообще на годъ запасаете одежды?

— Да трудно сосчитать—сколько нужно. Раздаемъ на каждую душу юбокъ—2, рубахъ—2, штановъ—2, пиджаковъ—2, шубъ—пока сносится. Вотъ на зиму купили одежды на 800 долларовъ. А кому нужно будетъ и среди лѣта что, то купимъ и тогда.

— А чай, сахаръ?—не унимаюсь я.

— Это послѣ покупки все дѣлимъ на человѣка.

— А вотъ нужно лошадей ковать...

— Э, братъ, кухни мы тебѣ и не показали, —перебиваютъ меня. — У насъ, почитай, въ каждомъ селеніи своя кухня, свой сапожникъ.

— Только и работы ему шей и шей сапоги. На всю общину надать ему надо, —перебиваетъ другой общинникъ.

— Только товару ему купили...

— Вотъ я все слышу купили, купили, а гдѣ же денегъ взять на все это «купили»?—перебиваю уже я.

— А у насъ же есть касса общинная въ каждомъ селеніи.

— А гдѣ же деньги беретъ та касса?—отвѣчаю я въ тонъ.

— Хлѣбъ продаемъ—разъ, на заработки ходимъ—два, весной карто-

фель и другой овощъ возимъ въ городъ—три. Дрова, то да сѣ — вотъ этимъ и живемъ.

— Сколько хлѣба продаете, это понятно: весь, за исключеніемъ того, что нужно для общины...

— Нѣтъ,—перебиваютъ меня.—Вотъ съ урожая этого года мы отправили нашимъ братьямъ въ Йорктонъ (центръ духоборіи) 2,000 бушелей пшеницы и 1,500 бушелей овса.

— Развѣ тамъ своего хлѣба мало?

— Насъ много. Въ какомъ либо селеніи гляди и того... не уродило. Вотъ и въ этомъ году есть такія селенія. Въ помощь имъ, нашимъ братьямъ и сестрамъ, и послали. Да у насъ-таки и хлѣбъ лучше родить.

— Такъ. А сколько душъ каждый годъ ходитъ на заработки?—начинаю я опять, чтобъ уяснить все это.

— Собраніе волости, выборные отъ cadaго села, рѣшаютъ каждый годъ, сколько нужно выслать рабочихъ...—говоритъ одинъ общинникъ.

— Нѣ, не рабочихъ, а сколько нужно внести денегъ каждому селенію,—перебиваетъ его другой.

— Куда внести? Зачѣмъ внести?—бросаю я вопросы.

— Ну, вотъ у насъ же есть паровики волостные, молотилки, мельницы, жеребцы, да мало ли какого волостного имущества. Вотъ волость собирается, уполномоченные, значить, и дѣлаютъ раскладку—сколько каждое селеніе должно выплатить. Смотрятъ по благополучію села: не было ли падежа, урожай каковъ, много-ль работниковъ въ селѣ настоящихъ. Вотъ, для примѣра тебѣ сказать, въ этомъ году наша волость смѣняла старый паровикъ на новый изъ склада, ну и рѣшили дать додачи этому складу 1,300 долларовъ (2,600 руб.), — объяснилъ спокойно старикъ-общинникъ.

— Да кромѣ того и обще-духоборческій съѣздъ дѣлаетъ раскладку. У насъ есть же свои склады на станціи Веригино, тамъ же строится и крупчатка, тысячъ 30 долларовъ будетъ стоить. Есть и обще-духоборческая общинная земля до тысячи акровъ. Вотъ на все это и вносимъ деньги. Обще-духоборческій съѣздъ дѣлаетъ раскладку на волости. А волости уже на селенія,—пояснилъ Алеша Верещагинъ.

— А сколько же денегъ вносите?

— Такъ трудно сказать. Вотъ недавно наша волость отослала 5,000 долларовъ (10,000 руб.). Въ годовомъ отчетѣ все найдешь — успокаивали меня.

— А годовой отчетъ въ каждомъ селеніи есть,—добавилъ Алеша Верещагинъ общинникъ.

— Хорошо. А сколько же вы высылаете на работу человѣкъ? Между ними есть и женщины?—ставлю я опять вопросъ.

— Ну, сестры всѣ дома. Мы ихъ нигуда не посылаемъ. А ходитъ больше молодежь. Мало молодежи, тогда идутъ «братья» лѣтъ и по 30 и по 35.

Духоборы женятся рано. Лѣтъ 20 обыкновенно женаты всѣ. Характерно, что такъ же поступаютъ и молокане.

Но разница между этими двумя направленьями та, что молокане посылаютъ своихъ женщинъ на работу къ «англикамъ», и на этой почвѣ есть уже недоразумѣнія между супругами. Духоборы въ этомъ случаѣ поступаютъ болѣе обдуманно. Своими женщинами духоборы дорожатъ чрезвычайно. Не было случая, чтобъ они выдали хоть одну изъ своихъ женщинъ замужъ не за духобора.

Случаи же женитьбы на женщинахъ не духоборкахъ наблюдаются. Противъ этого никто ничего не имѣетъ.

Послѣднее время попадаетъ среди духоборъ молодежь свыше 20 лѣтъ холостая. Влiяніе Америки сказалось.

— Итакъ, сестры у васъ не ходятъ на работу. А сколько же мужчинъ ходило въ этомъ году?—ставлю я опять вопросъ.

Изъ разспроса выяснилось, что

въ 1906 году	ходило	26	душъ,	заработали	— 1,300	дол.
> 1905 >	>	22	>	>	100 — 2,200	>
> 1904 »	>	25	»	>	80 — 2,000	>

Для расхода во всей Духоборіи каждый годъ требуется извѣстное количество денегъ. И вотъ при раскладѣ и исходятъ прежде всего изъ суммы долга, что накопилось въ такомъ-то году. А затѣмъ вѣроятные расходы, что предстоятъ: на покупку машинъ, на возведеніе построекъ и прочее.

Но расходъ всякаго года заканчивается дефицитомъ. Нельзя предвидѣть всего. Перерасходъ этотъ и есть сумма, что нужно выплатить за какой-нибудь товаръ—взятый въ кредитъ на годъ или другой срокъ. Такъ что это нормальное явленіе въ такомъ огромномъ хозяйствѣ, какъ духоборческое,—гдѣ цѣлыми повѣздами поступаютъ только земледѣльческія машины.

Для сравненія приведемъ, сколько внесли другія села.

Село Богдановка, 85 душъ народонаселенія, внесло всего 437 долларовъ въ 1906 году.

Село Кириловка, народонаселенія 134 души, внесло 500 долларовъ. Посылало 10 человекъ, по 50 дол. заработалъ каждый.

Село Троицкое.

Въ 1906 г.	16	человекъ	по 40	долларовъ.	Всего	660	дол.
< 1905 <	7	<	<	80	<	560	<
< 1904 <	10	<	<	100	<	1,000	<

Первое время духоборы имѣли большіе долги. Запасныхъ капиталовъ не было, а машины нужно было заводить. Американцы имъ вѣрили и давали въ кредитъ. Долги доходили въ прежніе годы до нѣсколькихъ сотъ тысячъ долларовъ. Поэтому и приходилось высылать больше рабочихъ, и каждый рабочій стремился заработать какъ можно больше.

— Вышелъ изъ своего селенія на заработки,—разсказывалъ одинъ ду-

хоборъ, который ходилъ «въ заработки».—Пришелъ на станцію желѣзной дороги. Языка не знаю. Кое-какъ нашелъ работу. Сначала бралъ 1½ доллара въ день, а затѣмъ и 2 доллара. Подработалъ деньжонокъ на билетъ и поѣхалъ на станцію Эдмонтонъ. Тамъ мостъ строился. Глянулъ—а нашихъ тамъ человекъ десять. Общую кухню сейчасъ, и стало намъ дешево харчиться. Какъ только заработалъ 100 долларовъ...

— А сколько платили за квартиру?—поинтересовался я.

— Какую квартиру? Лѣтомъ, квартиру? У Бога много квартиръ и все бесплатныя. Я же поѣхалъ не на квартиру, а на заработки. Вотъ и тянешься за каждымъ центомъ (копейкой), чтобъ больше домой принести. Знаешь, что, можетъ, другой и не выгонетъ 100 долларовъ—вотъ и норовишь лишекъ нагнать. А какъ только увидѣлъ, что есть въ карманѣ лишекъ маленькій—и домой ѣдешь съ радостью: въ общинѣ все согдится. А домой даже тянетъ. И поле хочется увидѣть, пока не соберутъ хлѣбъ, да и безъ «братевъ и сестеръ» соскучился. А зато домой прѣдешь—радостно вѣ какъ.—Такъ онъ мнѣ описалъ свои заработки.

Теперь замѣтно среди духоборъ иное направленіе въ «системъ заработковъ». Есть селенія, напримѣръ, Тамбовка, общество которой совсѣмъ не посылало свою молодежь въ «отхожія промыселъ» въ этомъ году.

— Не ходили мы въ заработки,—отвѣтили мнѣ тамбовцы на мой вопросъ—сколько посылали рабочихъ въ заработки. Не ходили. А продали огородину, хлѣбъ, картофель—для того больше и сѣяли всего и нужную сумму высточали.

— И мнѣ не хочется идти отъ дома и другому—у насъ тутъ лѣтомъ чистый рай, ну на томъ и порѣшили: сѣять больше и съ выручки платить,—пояснялъ другой тамбовецъ.

Въ 1906 году главный комитетъ духоборъ рѣшилъ взять съ подряда строить желѣзную дорогу.

И въ отчетѣ «прихода и расхода христіанской общины всемірнаго братства за 1906 годъ», на страницѣ второй, подъ цифрой 6, мы читаемъ: заработокъ на общемъ подрядѣ 68,011 долларовъ 65 с., т.-е. 136 тысячъ рублей. Эта почтенная цифра занесена въ статью прихода. Не нужно удивляться ей, потому что каждый годъ Духоборія или «Христіанская община всемірнаго братства», собирая по 100 и по 80 долларовъ съ человека, обыкновенно доводила сумму заработка до 150,000 долларовъ, т.-е. 300,000 рублей.

— Продешевили въ этомъ году,—говорятъ нѣкоторые члены общины.— Ну, да дѣло новое, неизвѣстное. На другой разъ, когда возьмемъ строить желѣзную дорогу оптомъ—цѣну настоящую возьмемъ.

Нареканій совершенно не слышно.

Духоборческій комитетъ взялся построить часть линіи. Своими рабочими, лошадьми, инструментами. Сдать участокъ готовымъ. И при пріемѣ этого участка желѣзная дорога выразила благодарность и нашла, что этотъ участокъ построенъ лучше другихъ.

— А много вы выручаете отъ продажи картофеля и овощей? — обращаюсь я съ вопросомъ ко всѣмъ собравшимся.

— Отъ насъ городъ далеко, и мы не возимъ часто, а вотъ другія села тѣ выручаются хорошо, — отвѣтили мнѣ «терпѣнцы».

Село Терпѣніе отстоитъ отъ желѣзной дороги миль на 20, и потому продажа овощей и вообще торговля своими продуктами у нихъ плохо организована.

Въ Канадѣ, особенно въ этой части, желѣзная дорога обыкновенно прокладывается въ необитаемыхъ преріяхъ. При каждой станціи сейчасъ же возникаетъ поселокъ. Прежде всего Hotel (гостиница). Затѣмъ, конечно, «распивночнo и навыночнo». Нѣсколько магазиновъ (хозяинъ одного изъ нихъ и есть почтмейстеръ). Постоялый дворъ для пріѣзда фармеровъ, при немъ и лошади — почтовая станція. Два-три элеватора для сыпки хлѣба. Вотъ зачатки города на первое время. Затѣмъ поселокъ растетъ. Появляются школа, церковь, залъ для митинговъ, танцевъ, конторы и, наконецъ, газета... и вырастаетъ городъ настоящій. Примѣромъ перваго могутъ служить станціи Borden, Rostern, Iangham, а второго, вполне развившагося города — Edmonton.

Все это — станціи Canadian Northern R. R. Конечно, фармы, расположенныя вблизи станцій, сейчасъ же повышаются въ цѣнѣ.

Владѣлецъ разбиваетъ ихъ на участки, и начинается спекуляція на землю. Участки разбиваются на лоты.

Никакихъ затратъ на улучшение земли никто не дѣлаетъ, а просто цѣну на землю подымаетъ растущій городъ. Въ ростѣ города участвуютъ главнымъ образомъ фармеры, т. е. окружающее народонаселеніе района, прилегающее къ данной станціи. Цѣна на фарму (160 акровъ), когда ее беретъ въ надѣлъ отъ правительства фармеръ, равняется всего 10 долларамъ. Какъ только станція расположилась вблизи — сейчасъ же и цѣна фармы подымается до 1,500—2,000 долларовъ. И растетъ она уже не по днямъ, а по часамъ — 2, 3, 5 тысячъ долларовъ. Затѣмъ фармы нѣтъ, а есть только лотъ. Не 160 акровъ, размѣръ фармы, а уже 1 акръ разбивается на нѣсколько частей и каждая часть сохраняетъ ту же цѣну 1,500, 2 тысячи и т. д. долларовъ.

Но этой «прибавочной» стоимостью фармеръ не пользуется. Его въ-время умѣютъ устранить господа спекулянты.

Первый кусокъ пирога, и самый крупный, конечно, беретъ себѣ желѣзная дорога. Затѣмъ ближайшіе участники ея: члены, акціонеры, коммисіонеры, директора... А затѣмъ уже идетъ «мелкая рыбешка»: кабатчики, держатели Hotel'ей, магазиновъ...

Духоборческія села, расположенныя вблизи такихъ станцій, доставляютъ жителямъ овощи, дрова и пр.

Село Тамбовка въ двухъ верстахъ отъ ст. Borden въ 1905 году продала только брюквы и луку на 200 долларовъ.

— Лукъ и брюква дюже хорошо родятся тутъ,—говорять «терпѣнцы».— Вотъ и возять ихъ на станцію, кто ближе живетъ. Выгода есть.

— Какъ же не выгода. Вонъ кириловцы на свою станцію Lamgham въ 1906 году одной картофли продали на 573 доллара,—говорить старикъ-общинникъ.

— А долги у васъ на с. Терпѣниі есть?—задаю я вопросъ.

— Нѣтъ никакихъ. Все уплачено,—началь было одинъ.

— А 150 долларовъ за лѣченье Степы,—перебываетъ другой.

Во время работъ на своихъ машинахъ одинъ изъ членовъ общины повредилъ себѣ ногу. Вотъ община и посылала его въ Виннипегъ въ больницу.

— А вотъ еще одно. Податей вы платите много?—задаю я самый животрепещущій вопросъ.

— Ну ужъ насчетъ этого здѣсь дюже хорошо. Никакихъ, братецъ ты мой, податей не знаемъ. Вотъ только 2 доллара отъ фэрмы на исправленіе дорогъ заплатимъ—и все,—съ особеннымъ удовольствіемъ сообщилъ старикъ-общинникъ.

— Да и тѣ заворачиваемъ назадъ, потому сами же дороги и дѣлаемъ,—пояснилъ Алеша Верещагинъ.

Ни на чай, ни на сахаръ акциза нѣтъ, и керосинъ и спички тоже акциза не несутъ.

Антонъ Щ.